

Ю.В. Вишнякова

Специфика гендерных стереотипов в энциклопедических словарях славянской мифологии

Актуальным аспектом современной лингвистической гендерологии является гендерный анализ лексикографических источников. Как отмечает О.А. Воронина [Цит. по 10. С. 82], чтение словарей по принципу гипертекста дает представление о том, какие роли, нормы, ценности приписывает общество мужчинам и женщинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы. Анализ лексикографических источников с точки зрения гендерного подхода позволяет получить информацию о том, какие поведенческие нормы для мужчин и женщин фиксируются в справочном материале, как осмысляются в них концепты «мужественность» и «женственность», с какими фрагментами мира и тематическими областями языковой картины мира связаны представления о мужественности и женственности.

В данной статье исследуется, каким образом гендерные стереотипы и представления древних славян отражены в одном из лексикографических жанров – словарях славянской мифологии. Материалом для исследования послужили следующие справочные издания: «Краткая энциклопедия славянской мифологии» (автор - Н.С. Шапарова) [7] и справочник «Славянская мифология», созданный коллективом авторов [12]. При характеристике лексикографических произведений использовалась методика, разработанная в исследованиях О.М. Карповой [4]. Как показал анализ, в энциклопедическом словаре «Славянская мифология» [12] славянские традиции представлены неравномерно: главное внимание уделяется восточ-

ным славянам, а сведения по западно- и южнославянским традициям даются в основном в качестве параллелей. Данный справочник адресован не специалистам, а широкому кругу читателей, поэтому в нем отсутствует подробная документация (библиографическая и географическая) приводимого материала. Словарь содержит более 400 статей, посвященных отдельным темам, символам, стереотипам традиционной славянской культуры.

Краткая энциклопедия славянской мифологии [7] содержит более тысячи статей, т.е. более чем в два раза превосходит энциклопедический словарь «Славянская мифология» по охвату культурных явлений, символика которых раскрывается в рамках словаря. Анализируемый справочник предназначен для учащихся, а также широкого круга специалистов – историков, литераторов, языковедов и т.д. Тематический диапазон обоих словарей весьма широк, он охватывает явления природы (*Ветер, Вихрь*), растения (*Береза, Бузина*), народный календарь (*Благовецение*), орудия труда, утварь, одежду (*Пояс, Прялка*), мифологических персонажей (*Кикимора, Водяной*), пищу (*Блины*), локусы внешнего пространства (*Граница, Мост*) и т.д. Основная цель анализируемых лексикографических произведений - дать читателю представление о картине мира, о тех способах осмысления, категоризации и оценки явлений окружающей действительности, которыми пользовался носитель славянской культуры, познавая мир и взаимодействуя с ним в своей практической деятельности.

Гендерные представления и стерео-

типы являются одной из составляющих общей картины мира древних славян, поэтому ее реконструкция необходимо включает в себя описание и оценку гендера как социокультурного фактора, связанного с обычаями и традициями этноса, его историей. Для исследования способов отражения гендерного фактора в макроструктуре справочников методом сплошной выборки был проведен анализ корпуса заглавных словарных единиц. Изучение заглавных слов позволило выделить следующие группы наименований, показательных с точки зрения отражения в них гендерного аспекта:

- мужские / женские мифоперсонажи (*Водяной, Леший; Кикимора, Мокошь*);
- праздники народного календаря, соотносимые с именами православных святых (*Ильин день, Кузьма и Демьян, Андреев день, Николай-угодник*);
- названия мифологизированных профессий и постоянных занятий (*Кузнец, Мельник, Знахарь, Повитуха, Пряжа*);
- обозначения физиологических состояний женского организма (*Месячные, Беременность, Роды*);
- наименования культурных предметов и символов, связанных с концептами «мужественность» и «женственность», отражающими социальные стороны жизни общества, культурно обусловленные функции мужчин и женщин (*Веретено, Гребень, Дежа, Замок, Нож, Прялка*).

Часть выделенных заглавных слов имеет четко определенного референта – мужчину или женщину (например, *Беременность, Кузнец*). Другие же связаны с концептами «мужественность» и «женственность» опосредованно, и гендерная отнесенность выявляется в процессе анализа словарных статей. Например, в статье «*Веретено*» вслед за дефиницией отмечается, что веретено является «*символом женского занятия*» [12. С. 71]. Количественный анализ заглавных единиц выявил равномерное отражение в анализируемых лексикографических произведениях куль-

турных символов, персонажей, предметов, явлений природы, соотносимых с концептами «мужественность» и «женственность». Таким образом, проведенное исследование макроструктуры данных справочников не обнаружило явных признаков гендерных асимметрий.

Изучение микроструктуры словарей славянской мифологии позволяет сделать вывод, что гендерный фактор является для авторов рецензируемых справочников объектом особого внимания. При описании практически всех культурных предметов подчеркивается их соотношение с культурными концептами «мужественность» или «женственность», например: «*В Древней Руси борода была эквивалентом мужского и человеческого достоинства*» [12. С. 51]. Комментарии по поводу гендерной отнесенности соответствующего символа или мифоперсонажа являются отправной точкой, на основе которой выстраиваются дальнейшие рассуждения, в соответствии с которой отбирается весь культурологический материал. Так, в статье «*Борона*» вслед за дефиницией уточняется гендерная спецификация ритуального предмета: «*Зубья обуславливают фаллическую символику бороны, противопоставляя мужское начало женскому*» [12 С. 54]. Гендерный комментарий не остается просто голословным утверждением, а подтверждается обширными фольклорными и этнографическими данными: далее в словарной статье приводятся сведения о ритуальных действиях и обрядах, в которых задействована борона как воплощение мужской силы.

Гендерный аспект в рамках микроструктуры анализируемых словарей проявляется и в особенностях отбора и использования авторами пословиц и поговорок, представляющих собой своеобразную культурную память этноса. Как справедливо отмечает В.А. Маслова, фразеологические единицы и поговорки возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему

субъективное отношение [9. С. 82]. В рамках микроструктуры анализируемых справочников в качестве доказательства существования в славянской культуре тех или иных гендерных представлений приводятся паремии, тексты народных песен, устойчивые выражения, загадки, показательные с точки зрения культурных стереотипов, зафиксированных в языке. Например, по данным энциклопедического словаря «Славянская мифология», веретено как символ женского занятия присутствует в лечебных заговорах и любовных приворотах: «*Сербские девушки протыкали веретеном сердце крота со словами: «Как веретено крутится, так пусть крутится Н. (имя парня) вокруг меня»*» [12. С. 71].

Сплошная выборка пословиц и поговорок из рассматриваемых справочников показала, что большая их часть недифференцирована по признаку пола, т.е. в качестве предполагаемых референтов могут выступать и мужчины, и женщины, например: «*Венчали вокруг ели, а черти пели*» [12. С. 68]. В этой группе можно выделить паремии, которые в общем и целом относятся к людям обоего пола, но отражают андроцентричность в том смысле, что в этих суждениях общечеловеческого характера фигурируют лица мужского пола: «*Кашу и дурень сварит – была бы крутица да водица*» [7. С. 277], «*Радостен бес, что отпущен иннок в лес*» [7. С. 90].

Большинство гендерно маркированных пословиц относится к семантическому полю «материнство». Среди них обширную подгруппу образуют паремии семантического поля «беременность и деторождение»: «*С брюхом ходить – смерть на вороту носить*» [7. С. 76], «*Жена родит – муж песок боронит*» [7. С. 121]. Гендерная отнесенность может поясняться авторскими комментариями, например, поговорка «*Что чертом дано, то черту и отдано*» [7. С. 74] иллюстрирует осуждение в крестьянской среде прерывания беременности незамужней женщиной. Эти паремии используются составителем сло-

варя с целью подчеркнуть значимость деторождения в жизни женщины: в мифологической картине мира беременная в процессе родов умирает, исчезает, а вместо нее возникают два новых существа – мать и ребенок [7. С. 73].

Образ матери во всех зафиксированных пословицах коннотирован положительно, причем необходимо отметить актуализирующуюся параллель «земля – женщина». По мнению Карла Юнга, с архетипом матери «ассоциируются такие качества, как забота и сочувствие, все то, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой» [11. С. 269]. Женщина-мать и земля, рождающая хлеб и кормящая людей, предстают в мифологических справочниках как единый, недифференцированный образ-архетип, например: «*Добра мать для своих детей, а земля – для всех людей*» [7. С. 351], «*Как ни добр, а все не добрей Матери – Сырой Земли*» [7. С. 351].

Заслуживающим сочувствия, по мнению Н.С. Шапаровой, оказывается положение бесплодной женщины, поскольку «ее даже не считали за женщину». Отсутствие детей заставляло окружающих сомневаться в принадлежности женщины к своей половозрастной группе [2. С. 203]. В качестве доказательства порицания бесплодия приводится пословица «*Бесплодное дерево из леса кидается, бесплодная баба из рая выгоняется*».

Помимо семантического поля «материнство», среди паремиологических единиц, в которых фигурируют женщины, встречаются и пословицы, демонстрирующие ярко выраженную гендерную асимметрию славянских представлений: «*У бабы не душа, а пар / голик*» [8. С. 162]. Другие не прямо, а косвенно отражают предписания или прескрипции, жестко регламентирующие женское поведение: «*Изба без крыши – что простоволосая баба*» («женщинам чаще всего запрещалось ходить с распущенными волосами..., не случайно опростоволоситься для женщины означало опозориться» [7. С. 190]).

Среди пословиц, референтом которых является мужчина, сравнительно небольшую долю составляют пословицы, демонстрирующие значимость таких атрибутов концепта «мужественность», как молодецкая удаль, бравада, мужская половая сила: «*Галавища в маслище, сапажница в дегтище, а партки набиты змеей*» [12. С. 187].

Если в гендерно маркированных пословицах женщина прежде всего представит в качестве матери, то семантическое поле «отцовство» оказывается не представленным, если не считать единственную паремию, адресованную и мужчине, и женщине: «*Всяк приючает семью до гробовой доски, а земля приютит и мертвого*» [7. С. 351]. Главная социальная функция мужчины, на материале отобранных паремий, – быть хозяином, главой семьи, добытчиком, заботящимся о достатке и благополучии своих близких: «*У доброго мужика на Воздвиженьев день и пирог с капустой*» [7. С. 183], «*Гуменник мохнат – крестьянин богат*» [7. С. 221]. Отнесенность к адресату по полу поясняется автором: адресатом паремии «*Как уж все в дом тащит*» является мужчина, поскольку «дворовая змея ухаживает за скотом, заботится о достатке семьи подобно рачительному хозяину» [7. С. 224].

Таким образом, макро- и микроструктура анализируемых лексикографические произведения отражают гендерные стереотипы и предписания, регулировавшие повседневную жизнь славян, более того, авторы вышеуказанных словарей уделяют им особое внимание. У. Липпман определяет стереотип как «упорядоченную, схематичную, детерминированную культурой «картинку мира» в голове человека, которая экономит его усилия при восприятии сложных объектов мира» [9. С. 108]. Как показало исследование, культурологический материал, приводимый в рамках макроструктуры словаря, содержит указания и комментарии, позволяющие соотнести те или иные нормы и правила поведения с принятыми у древних

славян представлениями о мужественности и женственности и, тем самым, выявить гендерные асимметрии и стереотипы славянской этнической общности – всё то, что касается социокультурного статуса мужчины и женщины. В энциклопедическом словаре славянской мифологии [12] представлена отдельная статья под названием «*Женица*», в которой подробно анализируется положение женщины в социуме, ее социальные функции и отношение к ней социума в зависимости от возраста, семейного положения, физиологических особенностей и т.д.: «*Женица в патриархально ориентированном обществе выступает как воплощение ритуально нечистого начала. <> Женица могла реализовать себя в полной мере лишь в браке*» [12. С. 161-162].

Анализ тематики словарных статей в целом, а также используемых авторами словарей фразеологических единиц, паремий, различного рода фольклорного материала позволяет сделать вывод о том, что в рамках рассматриваемых лексикографических источников наиболее детально представлена семантическая сфера «материнство». Как отмечает В.И. Карасик, показателем актуальности той или иной сферы действительности для конкретного общества является понятие номинативной плотности, т.е. множественное вариативное обозначение и детализация фрагмента реальности [3. С. 133]. В макроструктуре справочников тема «Материнство» представлена такими статьями, как «Беременность», «Роды», «Повитуха», «Мать-Сыра Земля» и др, т.е. данный концепт обладает высокой номинативной плотностью. По данным справочников, только через материнство женщина могла самореализоваться и заслужить уважение со стороны своей семьи и общества в целом. Семантическое поле «отцовство» оказывается представленным в значительно меньшей степени совершенно не случайно: воспитание и уход за детьми считались исключительно женскими занятиями. Сферы мужской и женской деятельности были четко разгра-

ничены: *«мужчине запрещалось выполнять женскую работу, т.к. это сделало бы его женоподобным»* [12. С. 162].

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что авторские комментарии в рамках анализируемых лексикографических источников не обнаруживают гендерных асимметрий. Тем не

менее, необходимо дальнейшее изучение способов лексикографического кодирования культурных норм и стереотипов, частным случаем которых являются гендерные стереотипы, в том числе их сопоставление с особенностями отражения гендерного фактора в иноязычных мифологических словарях.

Библиографический список

1. Богуславский В.М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. М.: Космополис. 1994. 237 с.
2. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М.: Ладомир. 2001. 335 с.
3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Карпова О.М. Лексикографические портреты словарей современного английского языка. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2004. 192 с.
5. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. М.: издательство «Институт социологии РАН», 1999. 180 с.
6. Колесникова М.С. Методологические проблемы лексикографического анализа в гендерных исследованиях // Доклады Второй международной конференции «Гендер: Язык, Культура, Коммуникация» 22-23 ноября 2001 г. М.: Рудомино, 2002. С. 207-214.
7. Краткая энциклопедия славянской мифологии / Шапарова Н. С. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари». 2001. 624 с.
8. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ». 2002. 528 с.
9. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: Учебное пособие. М.: Наследие, 1997. 208 с.
10. Материалы Третьей международной конференции «Гендер: Язык, Культура, Коммуникация». М.: изд-во МГЛУ, 2003. 66 с.
11. Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования. Сб. статей / Под ред. Элизабет Шоре, Каролин Хайдер. Вып.3. М.: РГГУ, 2003. 309 с.
12. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.